

С.В. Дмитриев

ШТРИХИ К СОБИРАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.М. ДУДИНА

Личности и деятельности С.М. Дудина, известного художника и собирателя этнографических предметов народов Средней Азии, Восточного Туркестана и др. для Музея антропологии и этнографии РАН и Этнографического отдела Русского музея, посвящено достаточно много работ [Апухтин 1974; Вишневецкая 1981; Вишневецкая 1986; Вишневецкая 1992; Дмитриев 1999; Дмитриев 1998: 56–57; Никитин 1990: 124–126; Никитин 1991: 33–46; Tsareva 1990: 65–97; Menshikov 1999; Прищепова 2000]. Значение собранных им коллекций с годами только повышается. Однако в работах, посвященных ему, практически не поднимался вопрос о Дудине как коллекционере-практике. Между тем он оставил интересные подробности своей собирательской деятельности, которые могут служить своеобразным пособием для этнографов-«полевиков», особенно применительно к своеобразию этой деятельности на Востоке. Темой данной статьи является именно описание некоторых характерных черт его собирательской деятельности, можно сказать, тактики его этнографического коллекционирования, выявленных нами в ходе архивных разысканий. Среди использованных материалов прежде всего отчет С.М. Дудина о поездке в Среднюю Азию в 1900 г., когда он собирал этнографические коллекции по народам Средней Азии для тогда еще не сформированного Этнографического отдела Русского музея, и его письма президенту Академии художеств графу И.И. Толстому, товарищу управляющего Русским музеем Д.И. Толстому, а также непосредственно в Русский музей, адресованные секретарю музея А.А. Тевяшеву.

К этому времени Дудин был уже достаточно опытным «полевиком» и «коллектором», как тогда говорили, участвовавшим в целом ряде археологических и этнографических экспедиций. Поэтому его взгляд, опыт этнографического коллекционирования представляются чрезвычайно интересными и полезными.

Замысел поездки в Среднюю Азию с целью сбора экспонатов для Русского музея возник зимой 1900 г., когда вопрос о создании ЭО еще только обсуждался в государственных кругах и среди научной общественности. Именно тогда академик В.В. Радлов предложил С.М. Дудину составить короткую программу и смету поездки. Такая программа была составлена и передана на рассмотрение августейшему управляющему Русским музеем вел. князю Георгию Михайловичу, который ее утвердил [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 247. Л. 1].

Согласно программе, предполагалось уделить основное внимание сбору экспонатов по традиционной культуре сартов. Для этой цели был выра-

© С.В. Дмитриев, 2006

ботан следующий маршрут: города Бухара, Самарканд, Джизак, Ура-Тюбе, Ходжент, Коканд, Маргелан, Наманган и обратный путь из Намангана до Джизака, далее на Ташкент с осмотром кишлаков между упомянутыми городами.

В ходе работы предполагалось вести фотографическую съемку в населенных пунктах, а также сбор экспонатов по темам: жилище (жилые помещения, дворы, службы, внутреннее убранство комнат, росписи, потолки и стены, резные двери, окна и т.п. с изготовлением моделей, рисунков, слепков); мебель (кровати, ковры, подушки, одеяла, скатерти и т.д.); кухня (очаги, печи, печи для хлеба, жаровни и т.д.); посуда (металлическая, глиняная и деревянная); одежда для разных времен года (мужская, женская, детская, бедных и богатых, дервишей); военные доспехи; музыкальные инструменты; детские игрушки; украшения; курительные и нюхательные принадлежности; средства передвижения; ремесленные производства; повседневная жизнь; торговля; религия; орнамент и т.д. [Архив РЭМ. Ф. 1. Л. 1; Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 5–10]. Эта же программа стала основой и для более поздних поездок С.М. Дудина в Среднюю Азию.

Программа по сбору этнографического материала курировалась на самом высоком уровне, о поездке эмиру Бухарскому писал сам великий князь Георгий Михайлович, августейший управляющий Русским музеем. Эмир, отвечая на это письмо, писал: «Ваше Императорское Высочество. Я имею честь получить любезное письмо Вашего Императорского Высочества от 15 Марта относительно командирования в Среднюю Азию и, между прочим, в мои владения художника г. Дудина для составления этнографических коллекций для устраиваемого Музея блаженной памяти Государя Императора Александра III. Спешу уведомить Вас, что с благоговением чтя память Великого Монарха и вменяя себе в священную обязанность сочувствовать всему, что связано с незабвенным Именем Государя Императора Александра III, я с особенным удовольствием готов оказать возможное содействие г-ну Дудину к успешному выполнению, в пределах моих владений, возложенного Вами на него поручения <...> Сеид Абдул Ахад, Эмир Бухарский. 2 апреля 1900 года» [РГИА. Ф. 530. Оп. 1. Ед. хр. 518. Л. 2–2 об.].

18 марта 1900 г., снабженный открытым листом Военного министерства на предмет получения содействия со стороны местной администрации, С.М. Дудин выехал из Санкт-Петербурга в Самарканд, где поселился в туземной части города, и «принялся приучать сартов».

Как уже отмечалось выше, у него к тому времени был достаточный опыт собирательской работы в данном регионе. Поэтому в ней он придерживался определенной системы, заключавшейся прежде всего в тактике общения с местными торговцами и ремесленниками. Так, чтобы не допустить ошибки при выборе вещей, т.е. не собирать только типичные экземпляры, он не приобретал сразу много предметов за один раз, а предварительно знакомился с ними, посещая систематически базары и мастерские разных ремесленников. Дело было в том, что далеко не все предметы были в этих местах постоянно, и появление многих из них имело сезонный характер, некоторые были редко востребованы и пото-

му производились в ограниченных количествах, в связи с этим необходимо было выждать момент, чтобы их приобрести. Попутно С.М. Дудин знакомился и с предметами, уже исчезнувшими с рынка, но еще сохранявшимися в хозяйстве сартов. Эти образцы занимали внимание собирателя более всего. При почти полной невозможности посещения сартовских жилищ знакомство с ними приходилось вести двумя путями: расспрашивая у торговцев и других сартов и собирая «всякий хлам» в мастерских ремесленников и у торговцев старьем. Попытки же приобрести сведения на этот счет в музеях Самарканда и Ташкента не увенчались успехом по той причине, что в них не было собрано почти ничего по этой части¹. По характеристике С.М. Дудина, оба музея в этих городах стояли еще «на той ступени, к[ото]рая делает музей похожим на собрание монстров и раритетов разного рода да случайных вещей, ценных только потому иной раз, что их подарило какое-нибудь превосходительство». Расспросы же на этот счет местной интеллигенции и знатоков края, с которыми Дудину пришлось общаться, также ни к чему не привели. Наиболее сведущие из них могли сообщить только о прошлом края, его истории. Их занимала только археология либо история, сведений же по части прошлого материальной культуры сартовского населения было у них немногим больше, чем у самого С.М. Дудина, а по некоторым темам и многим меньше. Обращение по этим вопросам к представителям местной администрации привело его к выводу, что она этими вопросами не интересовалась совершенно.

Именно поэтому Дудин выбрал в своей работе путь индивидуальных расспросов и розысков, и во многом ему здесь помогло то обстоятельство, что предметы сартовской старины, особенно художественно исполненные, создали в таких крупных городах, как Бухара, Самарканд, Ташкент и Коканд, целую отрасль торговли. Торговали здесь старинными коврами, посудой, бронзой, оружием, вышивками и т.д. Занимались этим специальные маклеры, а также торговцы новыми вещами того же характера (медники, торговцы коврами и т.д.). В их лавках царил страшная неразбериха, там были свалены в одну кучу старые и новые вещи, и разбираться с ними было очень нелегко. Однако такая путаница сослужила собирателю определенную службу, доставляя материалы для расспросов и знакомя его со многими формами сартовских обиходных вещей, о которых он и не подозревал.

Ознакомившись с положением вещей в интересующей его сфере, С.М. Дудин поехал в Бухару, где и применил полученные сведения на практике. Здесь он также посещал базары, мастерские ремесленников, лавки старьевщиков и т.д. Как правило, он сначала знакомился с ценами и только потом покупал интересующие его вещи, стараясь, однако, чтобы эти покупки выглядели случайными, так как только в этом слу-

¹ Музей в Самарканде, по сообщениям Дудина, находился «в полном забросе». В нем была довольно хорошая коллекция археологических находок из Афрасиаба и коллекция местных мозаик. Почти все коллекции были не обработаны. У музея не было ни средств, ни помещений. Публикой он почти не посещался, так как был открыт только один час в неделю. В силу неопределенности положения музея, как считал Дудин, его коллекциям лучшим местом был бы Русский музей. «Здесь же они только пылятся» [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 16–6 об.].

чае на среднеазиатских рынках и возможна дешевая покупка. Однако для такой «политии» необходимо было достаточно много времени. По словам Дудина, на Востоке, где всякие известия, даже самые, по-видимому, ничтожные, распространяются с громадной быстротой и зачастую в необыкновенно преувеличенном виде, скрыть свои намерения возможно было только таким путем, и антиквары-промышленники годами жили в центрах среднеазиатской торговли. Кроме того, побуждала их к этому еще и случайность действительно интересных вещей, которые на рынок попадали постепенно, изредка. Например, в Бухаре не всегда можно было рассчитывать на покупку того, что было необходимо для коллекции, так как могло случиться, что в данный момент на рынке нужного предмета нет, однако в другой раз можно было попасть на целый запас очень хороших вещей.

Держаться выжидательной тактики заставлял еще один восточный торговый обычай: продавцы не показывали хорошие вещи, пока не будут проданы вещи похуже. Поэтому собирателю приходилось по 2–3 и более раз уходить из лавки, ничего не купив, прежде чем удавалось увидеть вещь, достойную покупки [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 247. Л. 3–6].

Цены на предметы старины в среднеазиатских городах к 1900-м годам сильно поднялись. Произошло это, как отмечает Дудин, из-за их вывоза за границу, наплыва туристов и т.п. причин. Постоянный спрос на «восточные вещи» в Европе способствовал созданию в крупных среднеазиатских городах среди торговцев особой прослойки «антикёров», т.е. антикваров, которые скупали и перепродавали разные вещи: медь, ткани, фарфор и фаянс, оружие, камни и т.п. Многие из них были бухарскими евреями, бывавшими (и не раз) в Париже, говорившими по-французски и имевшими непосредственные сношения с крупными парижскими антикварами. Цены у этих торговцев были высокие, а их «погоня» за вещами подняла цены и у мелких лавочников, торговавших «антиквариатом» лишь в качестве подспорья к основной торговле. В результате, например, шлем с золотой насечкой довольно плохой сохранности стоил 60 руб., кольчуга хорошей работы и неплохой сохранности — 150 руб., «нечто вроде ступки медн. с надписями» — 600 руб., персидский фаянс — 30–150 руб., за блюдо, кинжалы хорошей старой работы просили 150 руб. и т.д. [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 24 об.–25]. Через тех же «антикёров» вместе в ковры, медью, и т.д. за границу шли и вещи, раскапываемые местными «археологами»-сартами на городище Афрасиаб [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 31а].

Однако наличие таких «антикёров», как отмечал Дудин, имело и положительную сторону. В частности, они избавляли «коллектора» (коллекционера) от дорогих и не всегда возможных розысков вещей по кишлакам и мелким городкам. Именно эту функцию взяли на себя агенты «торговцев старьем», которые, перемещаясь из кишлака в кишлак, из городка в городок, выискивали все, на что был спрос, и тащили это в Бухару, Самарканд, Коканд и т.д. Конечно, вместе с хорошими и интересными вещами они привозили и массу негодных, неинтересных, но тут уже было

дело покупателя разобраться в этом «хламе». Во всяком случае, не всегда благодарный труд первоначального розыска, по словам Дудина, был с него снят.

Дудин отмечал, что на рынок попадали только медь, бронза, ковры, вышивки и оружие. Поэтому, чтобы этнографическая коллекция была полной, ему пришлось вести и первичную собирательскую черную работу. Для этой цели он приспособил нескольких мелких торговцев старьем и пользовался их услугами, переходя по их указаниям уже не с базара на базар, а из дома в дом. Именно этим путем Дудиным были собраны образцы старых тканей, керамических изделий, некоторые костюмы и пр. [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 247. Л. 6–7].

Дудин предполагал собрать образцы шелкотканого и бумажно-ткацкого производства во всей полноте, «если не во времени, то хоть в настоящем их виде, но неприятный обычай продавать почти все местн[ые] ткани кусками (от 9 до 18 арш[ин]) портил все дело — для покупки образца поларшина приходилось бы покупать весь кусок ценой от 75 коп. до 20 руб. Поэтому поневоле приходилось брать то, что попадалось кусочками или то, что торговцы и ремесленники соглашались резать на добавку в цене» [Архив РЭМ ед. хр. 245, л. 26].

Дорогих вещей Дудин старался не покупать, во-первых, опасаясь обмана, и, во-вторых, потому, что они в большинстве своем не соответствовали его программе закупок. Но бухарские и обиходные персидские вещи были все же относительно дороги. Поэтому, познакомившись с ценами, он постарался ограничиться только самым необходимым. Оружие он вообще оставил в стороне в надежде на то, что эту часть коллекции можно будет получить через политического агента в Бухаре В.И. Игнатьева² непосредственно от бухарского эмира, так как Игнатьев взял на себя труд наметнуть эмиру о вкладе в Русский музей. Дудин составил ему список вещей, достать которые он не имел возможности или они были слишком дороги. В этом списке было оружие, образцы старинных изделий из шелка (бархат, адрас, шан и т.д.), их рисунки и окраска; художественно выполненные вещи из металла, камня, глины, дерева (украшения, утварь, оружие, резьба, майолика в изразцах и посуде и т.п.) [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 25 об.].

Однако в 1900 г. помощь через посредство Игнатьева получена не была. Не очень в собирательской работе помогало и обещание эмира о всевозможной помощи в сборе экспонатов. Это, конечно, было прежде всего дипломатическое послание, нежели обещание оказать реальное содействие в работе. Поэтому в следующем, 1901 году, Дудин опять получил специальный рескрипт от великого князя Георгия Михайловича на имя эмира, в котором, в частности, отмечалось, что «если бы Его Высочество Эмир Бухарский выразил желание пожертвовать в Музей какую-нибудь этнографическую коллекцию, например собрание предметов, относящих-

² Владимир Иванович Игнатьев, действительный статский советник, начал свою дипломатическую карьеру в Средней Азии в качестве дипломатического чиновника при начальнике Закаспийской области, а затем, после назначения своего предшественника П.М. Лессара советником Российского посольства в Лондоне, вступил в управление политическим агентством в Бухаре. Скончался в Новой Бухаре 28 марта 1902 г. [Г.Ф. 1902: 155].

ся до военного быта сартов, — то эта коллекция будет принята Музеем с глубокою благодарностью» [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 51–51 об.].

Для приобретения инструментов по различным ремеслам Дудин предварительно осмотрел их у разных мастеров, составил списки и только затем приступил непосредственно к приобретению. Инструменты он стремился брать прежде всего комплектами у одного мастера, представителя того или иного ремесла. Если это по какой-то причине было невозможно (нежелание продать из-за того, что остановится на некоторое время работа, потому что некоторые инструменты в комплекте были плохи или недостаточно типичны), собиратель приобретал комплекты по частям. Особенно большой помехой в этом деле было нежелание продать инструменты из-за возможной остановки работы, пока будут сделаны другие инструменты, заменяющие прежние. Поэтому в этом случае приходилось просто переплачивать [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 247. Л. 7].

Составляя коллекцию этнографических вещей, Дудин отмечал, что в своей работе он не мог держаться какой бы то ни было системы, т.е. покупать их по порядку и в необходимых количествах. Все в коллекционировании определял случай и конкретные обстоятельства. У собирателя возникали и определенные проблемы, которые приходилось решать на ходу. Например, приобретая вещи, он часто наталкивался на вещи не сартовского производства, но которые, тем не менее, имелись в их обиходе. Такими вещами, кроме русских изделий, были вещи персидские, афганские, индийские, туркменские, узбекские (кочевых узбеков) и «киргизские» (казахские и собственно киргизские). Почти все они составляли неременную принадлежность современного ему и прошлого быта. Как и вещи собственно сартовского производства, Дудин покупал их сперва лишь как необходимое звено в той картине материальной культуры сартов, которую ему предстояло набросать при составлении коллекции. Однако впоследствии он стал их включать в коллекцию систематически еще и потому, что многие из них являлись, как он полагал, образцами для предметов сартовского производства. Таким образом были куплены персидская и афганская медная и глиняная посуда, туркменские и узбекские (кочевых узбеков) ковры и т.д. Из русских вещей им были куплены только те, без которых некоторые отделы быта были бы безусловно неполны. Но их было очень и очень немного [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 7–8].

Покупки С.М. Дудин делал в основном в крупных городах. За поездку, которая длилась около 4-х месяцев, он посетил Бухару, Ташкент, Ходжент, Коканд, Маргелан и Ургут. В каждом из этих городов он пробыл от 5 дней до месяца в зависимости от количества материала, который можно было там приобрести. Кроме того, он совершил несколько продолжительных поездок по кишлакам, чтобы присмотреться к быту сельского населения. Но, как он и ожидал, наибольшие сборы дали именно крупные города. По его наблюдению, быт сельского населения ничем не отличался от быта горожан, почти все обиходные вещи жители кишлаков приобретали на рынках городов или на местных базарах, которые в большинстве случаев представляли собой только «филиальные отделения» торговых

заведений городов, так как продавцы перевозили свои товары с базара на базар, которые внутри района чередовались в кишлаках по дням и неделям. Таким образом, как отмечает собиратель, он только экономил время, нисколько не нарушая тем самым полноту своих собраний [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 10].

Для облегчения работы в Средней Азии С.М. Дудин, как мы уже упоминали, был снабжен и открытым листом Военного министра. Однако, по его словам, помощь, оказываемая этим документом, также не была сколько-нибудь существенной. Вся она сводилась к содействию приставов, «людей почти всегда невежественных и <...> странно смотрящих на дело коллекционирования и изучения края». Их помощь заключалась в том, что собирателя занимали всякого рода демонстрацией чудес природы вроде водопадов, «уродов» и т.п. Например, он приводит случай, когда на его просьбу доставить ему возможность сделать фотографии типов местного населения (в Коканде) ему доставили целую коллекцию «уродов» — карликов, зобатых и т.п. — «один другого любопытнее» [Архив РЭМ. Ф.1. Оп.2. ед. хр. 247. Л. 8–9] (это, в частности, объясняет факт нахождения в фотоколлекции РЭМ, составленной Дудиным, некоторых из этих персонажей [Колл. РЭМ № 46–118–118а]).

Этнографическое фотографирование является особой темой в собирательской деятельности Дудина. Как он писал в письме к И.И. Толстому, «техника собирания коллекций, знакомая мне раньше лишь в небольших размерах, показала здесь, что на это дело тратится гораздо больше времени, чем я рассчитывал, и самая трата времени имеет иной характер, чем тот, какой она имела бы при условии работы фотографического альбома». Ближайшее знакомство с местными условиями показало Дудину, что в данном случае нельзя было «отделаться 4–5 сотнями негативов, их нужно исполнить гораздо более 1000, а чтобы работа не носила случайного характера, ее надо выполнить по строго обдуманной и подробно составленной программе». опытом реализации этой программы Дудин и занимался, правда, как он пишет, урывками [ОР РНБ. Ф. 781. Толстой И.И. Ед. хр. 889 (1900 г.). Л. 4].

Чуть раньше, в письмах к А.А. Тевяшеву, Дудин описывал процесс фотосъемки. У него было два фотоаппарата — небольшой, запас стекол которого он сравнительно быстро извел, и большой, к которому у него, особенно в начале работы, были значительные претензии. Как он нашел вначале, большой аппарат для целей экспедиции совершенно не годился. Им можно было снимать только виды и архитектуру, а также (при хорошем освещении) группы. Типы, костюмы в величину пластинки, натюрморты, сцены в тени (а эти темы были определены им как наиболее важные) этим аппаратом снимать было очень трудно, так как мех его был очень короток, а оба объектива недостаточно сильны. Чтобы снимать живые сцены, надо было работать очень короткими выдержками, а в Средней Азии вся жизнь велась хоть и на улице, но под навесами, т.е. в тени. В результате, положившись на компетентность «уважаемого Ержемского» и пренебрегая своим опытом и знаниями условий работы,

Дудин вынужден был решать проблему фотосъемки непосредственно в полевых условиях [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 13 об.—14], что и было им успешно сделано [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 21—21 об.]. Кроме того, фотографирование типов и костюмов встречало некоторое затруднение, так как, «предоставленный самому себе» (т.е. без административной поддержки местных чиновников), он должен был просить о позволении фотографировать субъекта, а это было вещью чрезвычайно сложной, почти невозможной. Поэтому он выразил пожелание в дальнейшем иметь специальный приказ о фотографировании и зарисовывании, направленный по адресу местных властей, вроде полицмейстера города [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 22 об.].

Особой темой в собирательской деятельности С.М. Дудина было коллекционирование изразцов и майолик. О необходимости собирать образцы этих архитектурных деталей он писал в специальной телеграмме, адресованной А.А. Тевяшеву, отправленной вскоре после приезда в Самарканд. В ней он испрашивал разрешения Археологической комиссии на сбор остатков мозаик, разбросанных в самых разных местах [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 13]. Однако в тот год подобное разрешение Дудиным не было получено, хотя он и писал очень подробные письма, в которых касался этой темы. Среди его корреспондентов по этому вопросу были В.В. Радлов, И.И. Толстой и др. В письме последнему он, в частности, описывает условия хранения этих мозаик в Самарканде. После землетрясения, в результате которого произошли большие разрушения старых культовых зданий, когда обрушился главный портал Мадраса Биби-Ханым, все его осколки были сброшены в одном из боковых павильонов, где муллы обычно варили свой плов, держали баранов и дрова. В результате сваленные там куски мозаики крошились, растаптывались и растаскивались комиссионерами-антикварами и туристами, несмотря на четырехязычные объявления, вывешенные во всех наиболее посещаемых мечетях. Охрану местных древностей, в том числе этих памятников, осуществляла Археологическая комиссия, в частности чиновник особых поручений при губернаторе. Фактически же они охранялись теми муллами, которые там жили, а некоторые из них не охранялись совсем. Охрана же со стороны мулл существовала «только до окрика со стороны эполет и до рублевки со стороны туриста». При этом предпочтение отдавалось «заезжим франкам», тогда как русским продавали очень неохотно и редко. По свидетельству очевидцев, видевших эти обломки вскоре после землетрясения, ко времени нахождения там Дудина их не осталось и половины. Изразцы от барабана на Биби-Ханым (надпись) на две трети были сняты кем-то с разрешения Археологической комиссии, причем буквы были частью оставлены, так что надпись была разрознена и разбита. В мечети Шахи-Зинда то и дело появлялись новые «заплаты» из гипса на стенах, покрытых изразцами, т.е. мозаики вынимались, как полагал Дудин, самими муллами, а может быть, и «более дерзкими комиссионерами из жидков». Остатки мечетей и мавзолеев в стороне от центра города, которые не охранялись никем, грабились самым открытым об-

разом. Остатки архитектурных деталей, находимые в земле, продавались. В некоторых частных домах вблизи мечетей прятались обломки мозаик и майолик, которые затем также продавались их владельцами. По сведениям местных комиссионеров, отмеченных Дудиным, в 1899 г. через персидскую границу одним из здешних «антикёров» было вывезено более 12 пудов изразцов. Сам Дудин также приобретал для музея «недурные кусочки и куски», но то небольшое, что было им собраны, было «ничтожными клочками, имеющими чисто кунсткамерный характер» [ОР РНБ. Ф. 781. Толстой И.И. Ед. хр. 889 (1990). Л. 1–2].

В своем письме Дудин ставит вопрос о необходимости охраны этих памятников, предлагая, в частности, регистрировать при помощи фотографий большого масштаба каждую орнаментированную стену для того, чтобы получить возможность следить за ее целостностью. По его мнению, для сохранности таких значительных зданий, как мавзолей Шахи-Зинда, Мадраса Регистана, Гур-Эмир, все это было возможно сделать. Другим же остаткам старины можно было предоставить разрушаться, однако прежде надо было сохранить от них то, что достойно сохранения, «а не предоставлять все праху и судьбе, утешая себя тем, что вот де, мы, просвещенные любители старины, не наложили своей святотатствен[ой] руки на местн[ые] древности, не разрушали, а глядели, как они сами в пыль рассыпались».

Ознакомившись с техникой изготовления мозаик, Дудин пришел к выводу, что разрушение их, раз оно уже началось с какой-нибудь части стены, должно идти очень быстро, а простое сравнение фотографий, сделанных в разное время, как нельзя лучше иллюстрировало это заключение. Поэтому, призывал он, надо «не глядеть сложа руки, любуясь на свою просвещенность, а произвести ремонт, где он возможен, или снять сегодня то, что завтра рассыплется в мелкие осколки». Такого рода соображения привели Дудина к мысли, что последние мозаики и майолики, собранные в Биби-Ханым, которые растаскивались, в частности, по могилам «бесконечных “аулие”», лучше всего можно было сохранить в Музее Александра III. Именно там, по его мнению, вместе с фотографиями мечетей и других зданий, планами, разрезами и кальками, исполненными по поручению Археологической комиссии, они «составили бы прекрасный материал для ознакомления с памятниками Туркестана, особенно если к ним присоединить элементы орнаментов с зданий хотя бы и почти целых, но где этих орнаментов много и выемка одного-двух экземпляров (на фоне десятков уже вынутых) не произведет ущерба зданию, и гипсовые отливки скульптурн[ых] украшений» [ОР РНБ. Ф. 781. Толстой И.И. Ед. хр. 889 (1900). Л. 2–3].

Отсутствие разрешения Археологической комиссии на сборы среднеазиатских древностей Дудин воспринял чрезвычайно эмоционально, тем более что времени для работы оставалось все меньше и меньше. В своем письме в мае 1900 г. он просит известить его о принципиальной позиции Археологической комиссии, которая, по его словам, может «ревновать» его и в связи с этим отказывать в исполнении его намерений. Если это так, то он мог бы вычеркнуть из своей программы собирание этих древностей

или же, в противном случае, взять на себя роль такого же грабителя, какими являются местные комиссионеры-антиквары [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр 245. Л. 31а].

Информация о возможном разрешении со стороны Археологической комиссии на сбор изразцов и мозаик была получена Дудиным только после 24 августа, когда сезон его работ в регионе был близок к завершению. В более позднем письме А.А. Тевяшев сообщал, что комиссия этот вопрос будет обсуждать только 6 октября, а стало быть, необходимая для приведения в действие разрешения бумага может прибыть в Самарканд не раньше 15–16 октября, т.е. именно тогда, когда никакие работы в этом направлении не могут проводиться из-за холода и дождей. В связи с этим коллекция изразцов, собранная Дудиным в тот год, была незначительной [ОР РНБ. Ф. 781. Толстой И.И. Ед. хр. 889 (1900). Л. 5–6]. Однако, отправляясь в экспедицию в 1901 г., именно по этому вопросу он заручился специальным письмом великого князя Георгия Михайловича к эмиру, и вторая поездка Дудина на средства Русского музея была более продуктивна, чем первая, тем более что ему было выделено значительно больше средств для закупок [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 51–52, 58, 63].

В середине октября Дудин занимался упаковкой и отправкой вещей и фотографических коллекций. Проведенной работой он остался доволен. В частности, в письме к И.И. Толстому он писал: «Просматривая каталог моего собрания, я вижу, что оно оставляет желать многого, что оно далеко не кончено. Конечно, сотня-другая рублей сделала бы его более полным, но все-таки не закончила бы его. Ввиду этого я и не решился беспокоить Русск[ий] Музей просьбами о высылке денег; мне кажется, что рассмотрение коллекций сведущими людьми в связи с тем маленьким опытом, который я успел приобрести за время своей командировки, значительно облегчит окончательную установку размеров, до каких должна дойти коллекция по Средней Азии. Мною приобретено более 2 000 номеров по всем отделам “Программы”. Приурочены они к трем главнейшим пунктам сартовской жизни — Самарканду, Бухаре и Коканду-Ташкенту. Поездок по кишлакам я не предпринимал отчасти потому, что разница кишлачной жизни от городской невелика и заключается разве только в меньшей полноте; отчасти же потому, что этого не позволяла самая техника дела да и те условия, в которых мне приходилось работать, — полное отсутствие понимания со стороны местной администрации. Так или иначе мне кажется, что канва мной исполнена и нашить на ней те немногие вариации, какие имеются в зависимости от мест[ных] условий, будет уже нетрудно. По возвращении в С[анкт-]П[е]тер[бург] я надеюсь представить необходимый отчет о моей поездке» [ОР РНБ. Ф. 781. Толстой И.И. Ед. хр. 889 (1900). Л. 6].

В РГИА мной было обнаружено еще одно письмо С.М. Дудина, адресованное Д.И. Толстому, которое датировано предположительно 1901 г. Но, судя по контексту, относится оно к 1900 г. Письмо несколько скандальное, так как посвящено судьбе некоторых экспонатов из собранных Дудиным коллекций. Как выясняется из письма, ящики, в которых в

Петербург были доставлены коллекции, были вскрыты без ведома коллекционера. Дудин отмечает, что чиновник, вскрывавший ящики, вероятно, «был не вполне опытен в этом вопросе». Так, он не распиливал, а разбивал их железную обшивку, побив при этом много посуды, в том числе ценные экспонаты. В частности, сильно пострадали некоторые образцы изразцов. Кроме того, тем же лицом были вскрыты две коробки с непроявленными негативами. В результате все они погибли безвозвратно, а фотографическая коллекция Дудина, составленная, как нам известно, далеко не случайно, а по строго намеченной программе, оказалась неполной [РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 1]. Случилось все это из-за того, что канцелярия Русского музея своевременно не известила Дудина о намерении вскрыть полученные коллекции.

Дудин очень болезненно отнесся к этому обстоятельству. Еще больше он переживал, когда часть ящиков, отосланных им на адрес Музея антропологии и этнографии, без его ведома была перевезена в Русский музей. При этом число перевезенных туда посылок не совпало с числом тех, которые он нашел при приеме в МАЭ. К разбору этого факта был подключен В.В. Радлов, курировавший экспедицию со стороны Академии наук [РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 2].

В целом экспедиция получилась чрезвычайно удачная. Собранный в 1900 г. материал положил начало уникальной коллекции Этнографического отдела Русского музея (ныне — Российского этнографического музея) по культуре и быту народов Средней Азии.

Библиография

- Апухтин О.* Влюбленный в Туркестан (С.М. Дудин) // Звезда Востока. Ташкент, 1974. № 1.
- Вишневецкая В.А.* Этнографические коллекции С.М. Дудина в МАЭ // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1981.
- Вишневецкая В.А.* Иллюстративная коллекция С.М. Дудина по этнографии Средней Азии и Казахстана // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1986.
- Вишневецкая В.А.* Из жизни и деятельности С.М. Дудина — художника, собирателя, исследователя // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992.
- Дмитриев С.В.* Оружейная коллекция С.М. Дудина // Живая старина. 1999. № 3.
- Дмитриев С.В.* Ножевой промысел в Средней Азии и материалы С.М. Дудина // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения. 1996–1997 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1998.
- Никитин В.А.* Средняя Азия глазами С.М. Дудина // Природа. 1990. № 3.
- Никитин В.А.* Рассказы о фотографах и фотографиях. Л., 1991.
- Прищепова В.А.* Коллекции заговорили: История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб., 2000.
- Tsareva E.* Thirty rug masterpieces from the collection of S.M. Dudin // Oriental Rug Review. Vol. 11. October/November 1990. № 1.
- Menshikov L.N.* Samuil Martynovich Dudin (1863–1929) // IDP News. Autumn, 1999. № 14.
- Г.Ф. Владимир Иванович Игнатъев* // Туркестанские ведомости. 1902. № 26.